

Политика и право в делах церковных священник Павел Верховской

Часть I

Государственная и общественная жизнь складывается, развивается и движется вперёд между прочим под влиянием политики и права.

Начало политики находит своё применение тогда, когда жизнь требует творчества, когда различные сталкивающиеся интересы вызывают необходимость их согласования. Если отношения между людьми, целыми группами людей и наконец государствами не поддаются вполне или трудно поддаются определённой нормировке или эти отношения беспрестанно изменяются под влиянием целой массы неуловимых факторов, стихийных, экономических, психологических и т.д., то регулировать эти отношения, согласовать взаимно сталкивающиеся интересы, не возможно иначе, как путём постоянного живого обмена мнений, учёта обстоятельств текущего момента и выработки целесообразных требований и уступок. Спокойно и неторопливо вырабатывать условия деятельности, создавать нормы дальнейшего бытия – в данном случае было бы некогда.

Напротив, начало права находит своё применение тогда, когда не только желательно, но и возможно подчинить случайные обстоятельства, волю поступки людей определённым, заранее выработанным нормам, соблюдение которых поставлено под строгий контроль и может быть вынужденно. Разумеется, что для этого то или иное явление жизни не должно требовать слишком поспешного разрешения, не должно быть возникшим случайно или непредвиденно, а следовательно должно иметь более или менее принципиальный характер.

Таким образом политика покоится на необходимости поступить целесообразно, в зависимости от условий момента. В свою очередь начало права требует, что бы сперва были выработаны нормы и только затем они приведены в действие, причём поступки людей должны с точностью сообразоваться с установленными нормами.

В пояснение изложенного можно сослаться, с одной стороны, на характер деятельности учреждений и лиц, заведующих внешними отношениями к другим странам, а с другой – на характер деятельности государственных судов и судей.

На разговорном языке внешние отношения между странами так и называются «политикой», в специальном смысле этого слова, что совершенно правильно, так как взаимные отношения абсолютно независимых государств с огромным трудом, постепенно и только отчасти

могут быть уложены в рамки международного права. Эти отношения – чисто фактического свойства и крайне изменчивы. Достаточно вспомнить как много сюрпризов принесли Европе 1912–1913 годы и несколько раз под влиянием этих сюрпризов менялись взгляды, намерения, решения, ультиматумы, даже поступки, что бы уяснить господствующее здесь значение принципа целесообразности считаясь с некоторыми, невозможно было бы действовать по предъявляемым трафаретам, заранее установленным нормам.

Совсем другая картина наблюдается в отправлении судопроизводства в стране. Эпоха суда и расправы по личному усмотрению родоначальника или князя давно миновала. Не только суд Линча, но и временные карательные трибуналы со специально созданным на данный случай уголовным кодексом признаются в наше время всюду недопустимым. Напротив всякое государство стремится сначала выработать стройную систему судов, точно определить пределы их власти, указать порядок их действий, составить общий уголовный кодекс, а затем особым законом пустить эти суды в бездействие, согласно установленным нормам. И суды не в праве уклоняться от предъявляемых норм или превышать их грани, хотя бы и во имя идеи целесообразности.

Разумеется, правовое начало значительно парализует личное творчество, но оно же спасает от ложно понятой целесообразности и произвола. Правовое начало даёт возможность обществу предварительно тщательно обдумать необходимую и действительную целесообразность принимаемых мер, их возможные последствия для общественного блага. При этом общество тем более симпатизирует этим мерам, чем более гласно они обсуждаются, чем более гарантий принято к тому, что бы они были зрело обдуманы.

Изложенные соображения объясняют почему все народы так деятельно стремятся уложить по возможности все функции сложного государственного механизма в точные рамки закона, выработанного при этом, при участии широких масс населения. Наиболее передовые народы даже область внешних сношений с другими странами по возможности вводят в сферу законодательства, требуя, например, одобрения палатами международных торговых и политических трактатов.

Словом, можно сказать, что самый прогресс, самое развитие культуры именно в том, между прочим и заключается, что силою человеческого гения из жизни постепенно устраняется случайность и произвол и их место заступают – строгий расчёт и заранее установленная норма права.

Часть II

Римские юристы строго установили принцип: *ubi sozietas, ibi jus*, и безусловной правильности этого принципа нет возможности оспаривать.

Правда есть попытки настаивать на том что церкви чуждо право, что церковь и право – понятия не совместимые. Но эти попытки объясняются просто тем, что оба понятия – Церкви и права крайне сложны и часто употребляются в совершенно произвольном значении.

Достаточно сказать, что для своего определения понятие право требует предварительного разрешения основных проблем философии, логики и психологии, в частности – теории познания, а эти проблемы ещё очень далеки от окончательного разрешения. Впрочем, теперь едва ли подлежит спору то, что право есть явление психологическое, свойственное вообще человеку, как таковому, раз только он образует общество вместе с другими людьми.

Что же касается понятия церкви, то по законам логики, таковое в единой форме вообще неопределимо. Церковь в одно и тоже время представляет собою предмет веры (нумен), и явление действительной жизни (феномен). Как предмет веры, она включает в себе признаки сверхъестественные (верую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь), а как явление видимого мира – естественные (церковь есть видимое общество верующих людей, соединённых законом Божиим, священноначалием и таинствами). Соединить же в одном определении те и другие признаки, сверхъестественные и естественные – логически невозможно.

Поэтому при обсуждении соотношений церкви и права необходимо заранее установить по каким определениям мы определяем понятие церкви.

Так как право есть явление человеческой психологии, то по однородности мы вынуждаемся остановиться на естественных признаках Церкви, как явления здешнего мира, т.е. вынуждаемся определить Церковь, как видимое общество верующих, а по афоризму римских юристов – где общество, там и право.

Иначе сказать, определяя Церковь как видимое общество верующих людей, мы обязуемся признать, что и это общество, как и всякое другое, в принципе допускает нормировку его устройства и функций по началам права. Да оно так и есть на самом деле, ибо церковные каноны, и столь свято хранимые, по крайней мере в идее, суть не что иное как нормы права

специального происхождения, содержания и назначения, но логически ничем не отличающиеся от всяких других, иного происхождения и назначения. Равным образом и наука Церковного права, как всякая другая юридическая дисциплина, обсуждает и систематизирует содержание канонов, и законов о Церкви по принципам юридической логики, создавая стройную систему устройства, функций и проч. Церкви, как юридического лица аналогичного другим подобным институтам.

Часть III

Католическая Церковь, выработавшая формы своего устройства и быта на основе римской культуры, очень рано оценила организационное и упорядочивающее значение юридических норм и у неё никогда не было недостатка в желании установить всюду, где возможно и для всего строгие юридические рамки. В результате создалось замечательное богатство источников католического церковного права и стройная система этой науки.

Творческая деятельность католицизма в области права не прекращается и до сих пор и папа, который *rectoris sui habet*, никогда не отстаёт от жизни в регламентации создаваемых ею новых явлений и отношений. Юрицизм Католической Церкви сделался даже специфической её чертой. Однако мы вправе упрекнуть

Католичество не за самый юрицизм, как таковой, а за то собственно, что он неосмотрительно внесён Католической церковью туда, где юрицизму действительно нет и не может быть места, а именно в сферу догматики и духовной пастырской практики.

Право мыслимо только в отношениях между людьми, но совершенно не мыслимо в отношениях человека к Богу, к святым, к ангелам, или, напротив к животным, к природе, ибо в основе правовой психики человека лежит идея справедливости, которая, как говорил ещё Аристотель, слагается из более простых идей равенства и соответствия. А это равенство и соответствие может быть только во взаимных отношениях между людьми, и совершенно немыслимо относительно мира сверхъестественного, или неразумной природы.

Между тем католики раннего средневековья, с одной стороны совершенно чуждые ясного научного мировоззрения, а с другой—слишком увлечённые изучением римского права, которое тогда только ещё началось в Болонском университете, поторопились выразить в юридических понятиях основные положения христианской веры и нравственности, так создалось католическое учение об искуплении, о чистилище, сокровищнице добрых дел, иезуитское учение о морали и казуистика т.д., в основе своей построенное на началах обязательного права, что разумеется совершенно нелепо¹.

Неразборчивое увлечение правом могло бы конечно, впоследствии сгладиться. Но Реформация вызвала созыв Тридентского Собора (1545–1563), который вынужден был, в противовес протестантизму, и чтобы

сохранить престиж католичества, окончательно подтвердить заблуждения и увлечения схоластики средних веков, которая вследствие этого служит руководством и до сих пор. Отступление от заблуждений показалось бы теперь неуважением католичества к самому себе и своему прошлому.

Вселенская Церковь, до эпохи отделения от неё католической, тоже не сомневалась в возможности точно нормировать своё устройство, разнообразные функции церковной власти, права и обязанности духовенства и мирян, свои отношения к раскольникам и еретикам. Результатом правового творчества Вселенской Церкви и явились каноны апостольские, соборов и св. Отец. Систематическая же обработка их, государственных о церкви законов, для удобства пользования нормами церковного права, создала целый ряд канонических сборников, номоканонов, которые в виде кормчих, пидалиона, афонской синтагмы и др. действуют на православном Востоке отчасти и до сих пор.

Более того, правотворческая деятельность не останавливалась и после X века, не иссякает и теперь и жизнь церковная, хотя и в очень неблагоприятных, порою, условиях, протекает там всё таки более нормально. Печальное исключение составляет Русская Церковь.

Часть IV

До XVIII века жизнь русской Церкви протекала довольно мирно в рамках установленных Вселенской Церковью норм и сложившейся традиции. Зависимая первоначально от Константинопольского патриарха и Византийского императора, Русская Церковь не имела права побуждения создавать для себя новые нормы. Однако всё-таки, насколько того требовали местные условия, она вырабатывала их на своих соборах. Во всяком случае наши предки боялись творчества в церковной сфере и смело добились и юридически упрочили сначала независимость Русской Церкви, а затем и Патриархат.

Резко изменилось положение вещей только со времени учреждения Св. Синода. Русская Иерархия того времени, активно в лице Феофана Прокоповича некоторых других «малороссов», а пассивно – в лице остальных, признала более выгодным и достойным для Русской Церкви быть в юридической зависимости от государственной власти, тогда как «аки бы собственная власть патриарха»² казалась им недостаточно авторитетной. В результате Русская Церковь перестала быть самобытным и самостоятельным институтом³. При этом высшая иерархическая власть утратила не только фактическую возможность, но и самое право самостоятельно нормировать русскую церковную жизнь. Такое право окончательно перешло в руки Верховной власти и её ближайших органов. И так как со времени Петра Великого культурное мировоззрение русских людей перестало быть по преимуществу религиозным, а обстоятельства ставили государству всё новые и новые мирские цели и задачи, то естественно, что законодательство относительно церковных дел, оказавшееся в светских руках в XVIII и XIX веках более считалась с практическими нуждами момента о общим направлением внутренней государственной политики, чем с принципиальными соображениями и древней традицией.

Таким образом старые нормы церковного права стали постепенно отступать назад. Взамен их по кое-каким вопросам возникали новые нормы, новые законодательные памятники государственного характера (Духовный регламент, Устав Духовных Консисторий, Уставы Духовно-учебных заведений и др., вообще множество сепаратных указов XVIII–XIXв.) В области русского церковного права создался такой хаос противоречий между древними и новыми нормами, между вселенским каноническим преданием и современной юридической

действительностью, что привести этот хаос к логическому единству, без переработки всего русского церковного права заново, совершенно невозможно.

При таких условиях русская церковная иерархия была вынуждена, либо настаивать на восстановлении юридической самостоятельности Русской церкви и возвращения её к каноническим принципам, либо—

Подчиняться посторонней силе и обстоятельствам. И русская иерархия предпочла подчиниться отказавшись вместе с тем от последовательного соблюдения норм православного церковного права. Началась эпоха постоянного приспособления правящей иерархии к условиям данного политического момента в России. Церковное право сменилось церковной политикой. Наконец два столетия постепенно сгладили остроту перелома, происшедшего при Петре и современные нам иерархи едва ли даже тяготятся правительственной опекой и необходимостью, оставив порою все принципиальные основания, постоянно преследовать свою церковную политику. Плавание между Сциллой и Харибдой, пожалуй нравится,

Возвращение к строгой нормировке церковной жизни пугает своею трудностью. И в самом деле, легче, кажется, путём той или иной ситуации, найти практически целесообразный выход из затруднений данного момента, чем прямо поставить вопрос и смело полностью и раз и навсегда его разрешить, потому что в последнем случае пришлось бы, либо громко признать неприменимость и необязательность канонов, либо вступить в конфликт с государственностью и проникнутым ею в последние два века укладом церковного строя. Однако, если отсутствие удовлетворительной нормировки государственной жизни должно неизбежно повлечь за собою непостоянство и случайность её целостности и культурности, то отсутствие правомерности в церковном строе и верности христианскому учению в церковной жизни быстро и резко устраняет в людях убеждение в вечном принципиальном характере Церкви, как учреждения, подрывает веру в её учения и окончательно деморализует её дисциплину.

Примечания

¹ - Епископ Финляндский Сергей в своей книге: « Православное учение о спасении.» очень ярко показал, что именно эти догматы католицизма составляют отличительную его черту и делают психологически невозможным слияние католичества с православием, которому юридикзм в догматике безусловно чужд. Любопытно отметить, что под влиянием того же неразборчивого увлечения логикой права были возможны в средние века на западе процессы ведьм, договоры с дьяволом, процессы над животными и т.д. они исчезли сравнительно очень недавно в XVIII в.

² - Полное собрание Постановлений и распоряжений Правительства по Ведомству Православного исповедания, т. I, № 112 (стр. 157).

³ - Подробнее об этом см. мои « Очерки по Истории Русской Церкви в XVIII–XIX ст.» вып. 1. Варшава 1912.

Содержание

Политика и право в делах церковных священник Павел Верховской	1
Часть I	2
Часть II	4
Часть III	6
Часть IV	8
Примечания	10